

6. Mochul'skiy, K. Lermontov (Lermontov), in Fatalist. *Zarubezhnaya Rossiya i lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii*. Moscow: Russkiy mir, 1999, pp. 90–108.

Ю. Г. Пастушенко¹

ЛЕРМОНТОВ, ПРОЧИТАННЫЙ ПЛАТОНОВЫМ

(ЛЕРМОНТОВСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА 1930-Х ГОДОВ)

В статье рассматриваются интертекстуальные связи рассказа А. Платонова «По небу полуночи» с произведениями М. Лермонтова: поэмой «Демон» и стихотворением «Ангел». Показывается, что лермонтовский текст дает Платонову возможность, используя неявные формы, высказать глубоко личные взгляды, идущие вразрез с официальной идеологией.

Ключевые слова: Платонов, Лермонтов, «По небу полуночи», «Ангел», «Демон», «К столетию со времени смерти Лермонтова», «Размышления читателя», амбивалентность, интертекст, интерпретация, интенция авторская, рассказ, статья.

*Светлой памяти Л. А. Степанова,
предложившего идею этой работы*

Комментируя роман А. Платонова «Чевенгур», В. Вьюгин справедливо отметил, что «творчество М. Лермонтова не часто упоминается среди «интертекстуальных источников», когда речь идет о Платонове» [2, с. 172]. Однако у Платонова есть один достаточно известный рассказ, напрямую связанный с лермонтовским текстом – это «По небу полуночи», над которым Платонов работал весной–летом 1939 года. Рассказ был напечатан в том же году в июльском номере журнала «Индустрия социализма». Современниками рассказ был воспринят как антифашистский, но в наше время исследователи, говоря о нем, склоняются к более сложным суждениям. Например, «ветхозаветным, глубоко метафизическим и очень личным» называет его в своей книге А. Н. Варламов [1, с. 130].

¹ ПАСТУШЕНКО Юрий Георгиевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: ypastush@rambler.ru.

Приведем краткое его содержание.

Молодой немецкий военный летчик Эрих Зуммер осознает, что его глубинное неприятие господствующей идеологии, фашизма, противопоставляет его всему обществу. Даже его невеста Клара, в присутствии которой он высказывает неосторожные суждения, хочет донести на него в полицию.

Зуммер получает задание – лететь на своем самолете в Испанию, сражаться с республиканцами. Он вылетает ночью в составе небольшого отряда. Его штурман предлагает сбросить бомбы на французский пассажирский поезд, который они видят под собой. Зуммер понимает, что в штурмане уже нет ничего человеческого и убивает его выстрелами из своего пистолета. Затем Зуммер вступает в бой с самолетами из своего отряда, сбивает четверых, пятый спасается бегством.

Добравшись до испанской территории, Зуммер сажает свой самолет на поле. В полуразрушенном крестьянском доме он находит мальчика, лет семи-восьми. Ребенок явно пережил страшную трагедию, его сознание замутнено. Зуммер забирает ребенка и улетает с ним искать свободу и счастье.

Начнем с того, что название рассказа «По небу полночи», данное по первой строке известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел», являет, в некотором роде, исключение, поскольку для Платонова нехарактерно использование интертекста в качестве заголовка произведения. Зачем Платонов прибег столь открыто к несвойственному приему? Может он хотел быть более понятным читателю, прояснить значение некоторых своих аллегорий, или он, если можно так выразиться, искал защиты у классика? Попробуем проанализировать некоторые художественные особенности рассказа.

Лермонтовский текст заголовка нацеливает читателя на выявление, прежде всего, мотивных параллелей между рассказом и стихотворением. При этом метафорические образы, насколько возможно, трансформируются в реальные, и наоборот. У Лермонтова, летящий по ночному небу ангел, несет «младую душу» и оставляет ее жить и томиться на грустной земле. У Платонова военный летчик находит погибающего ребенка и улетает с ним от жестокой жизни – наблюдаем своего рода отрицательный (с точки зрения предикативности) параллелизм. Мотивные сближения неотделимы от образных:

представляется естественным соотнести летящего ангела с летчиком, а спасаемого им мальчика с «душой». Но трудно отделаться от чувства, что эти соотнесения выглядят довольно мелкими, если не вовсе приблизительными, не соответствующими ни уровню рассказа, ни масштабу такого художника, как А. Платонов, в целом. Автор словно бы чувствует возможное расхождение и напрямую подкрепляет параллели, причем, в весьма неоднозначном моменте: «Нет, мне пора быть ангелом, человеком надоело, ничего не выходит», – думает Зуммер, решаясь на убийство своего штурмана. Кроме как для усиления «ангельских» коннотаций эта фраза не нужна. Но эти слова еще больше запутывают картину: в такой момент более естественно представить героя демоном, а не ангелом...

Обращение к ближайшему временному контексту создания произведения помогает лучше понять некоторые неочевидные моменты авторской интенции.

Общеизвестно, что на 1937 год приходится пик террора в стране. В Европе набирает силу фашизм, дело неминуемо идет к войне. Для самого Платонова конец 1930-х годов становится очень трудным жизненным периодом. В мае 1938 года будет арестован его единственный сын, пятнадцатилетний Платон. Конечно, это был изощренный способ расправы над писателем, посмевающим иронизировать над «генеральной линией партии». Кажется, что зло всевластно и сопротивление ему невозможно. Все, что напишет Платонов в этот период, воспринимается как мучительная попытка высказаться при невозможности высказывания.

В это время Платонов не раз попадает под прицельный огонь идеологической критики, толстые журналы не хотят печатать его произведения. Отчасти вынужденно, чтобы иметь литературные заработки, писатель начинает сотрудничать с журналами «Литературный критик» и «Литературное обозрение»¹. Летом 1938 года он готовит книгу критических статей «Размышления читателя», которая так и не выйдет в свет при его жизни. В состав этой книги Платонов поместил работу о Лермонтове.

И здесь заголовок А. Платонова звучит несколько необычно: «К столетию со времени смерти Лермонтова», словно автор

¹ Об этом периоде творчества А. Платонова см., например, статью Н. М. Малыгина [3].

хотел показать, что в центре его внимания находится не столько личность великого поэта, сколько время, то есть сама эпоха. Еще одна «необычность» в том, что, как известно, столетие со дня его смерти Лермонтова наступало в 1941 году, а Платонов пишет работу за два года до этой даты, как бы загодя.

Начинает ее он так: «Уже целый век миновал с тех пор, как был убит М. Ю. Лермонтов.

Многое прошло с той поры безвозвратно и уже забыто или забывается <...> и ушли в забвение люди, некогда властные, имевшие силу убивать и господствовать, а теперь ничтожные в нашей памяти. Николай I, Бенкендорф, князь Васильчиков, майор Мартынов, убивший Лермонтова в упор, — все они до странности мертвы в нашей памяти: не только оттого мертвы, что лежат в могилах, но оттого, что даже усилием своего воображения мы не можем вызвать в своем чувстве, в своей фантазии их живого образа; для нас их имена только жесткие звуки — так чужды эти люди нашему сердцу, так мало заинтересована в них наша неотмщенная душа, успокоившаяся лишь в силу давности времени и бесполезности презрения. Ушедши в могилы, эти люди были еще раз похоронены в памяти народа — исчезновением из его памяти, равнодушием к их жизни и судьбе. Их самая страшная, самая мертвая смерть в том, что целые поколения русского народа, склонившись над книгами Лермонтова, читают его стихи <...> и будут его читать, когда уже нас никого не будет, ныне существующих». Нетрудно почувствовать, что пафос Платонова связан с ощущением возможности противостояния. Противостояния власти, силе, тирании, поскольку, как он верит, есть иная сила, побеждающая их всех — сила времени и памяти. Чувство Платонова охватывает не только лермонтовскую эпоху, но и не в меньшей степени — через выразительное умолчание — эпоху современную. Статья, повторимся, пишется наперед, как бы из прошлого и, тем самым, создает символическую реализацию намека на то, что и современные тираны и властители жизни рано или поздно станут также «до странности мертвы в нашей памяти» — то есть в памяти грядущих поколений. Своего рода метамотив статьи — смерть, но осознаваемая, как часто это бывает у Платонова, амбивалентно: есть смерть-забвение, смерть окончательная, назовем ее духовной, и есть

смерть лишь физическая, которая подразумевает символическое воскресение и продолжение жизни в других формах. «Только тот и достоин жизни, кто способен выходить живым даже из могилы», – скажет Платонов в своей другой статье «Размышления о Маяковском», написанной примерно в то же время, в 1940 году.

Отметим еще один момент, который также, на наш взгляд, больше говорит о настроении Платонова в то время, нежели о предмете его размышлений: «Почти все люди, родившиеся и жившие в России, любили родину. Многие в то время не имели оснований ее любить, но они все же любили ее», – предваряет Платонов свой разговор о стихотворении Лермонтова «Родина». В конце 1930-х годов эти слова Платонов мог применить к себе с полным основанием, он если и не разделял, то прекрасно осознавал ощущение, что ты чужой в своей стране, в этом мире.

Своеобразие статьи состоит и в том, что размышляя о Лермонтове, Платонов отдает свое внимание немногим произведениям великого поэта, сообразуясь при этом лишь с собственными предпочтениями. Больше всего он говорит о «Демоне». Интересно, что центральный образ этой поэмы, самого Демона, Платонов не хочет интерпретировать однозначно, в духе современной ему вульгарной критики: «Лермонтов изображает Демона с той энергией, которая не позволяет представить Демона как пустой, ничтожный или юмористический образ. Если он пуст и жалок в своем существе, то внешнее значение его не пусто». Платонов отказывает Демону в нравственной силе, но оставляет ему силу художественную.

Попробуем теперь проследить, как воплотилось в рассказе Платонова его целенаправленное обращение к творчеству Лермонтова.

Прежде всего, надо отметить, что «По небу полуночи» интертекстуально связан не только с «Ангелом», но и, не в меньшей степени, с «Демоном». Действительно, в рассказе находят отражение многие стороны лермонтовской поэмы. Прежде всего, это «испанский сюжет»: среди редакций поэмы, работа над которой с перерывами продолжалась более десяти лет, есть так называемые «испанские», в которых действие происходит в некой южной стране, угадываемой, как

Испания. В рассказе, как мы помним, финальная часть истории происходит в Испании, сходство еще более подчеркивается одним из первоначальных вариантов названия рассказа: «Над Пиренеями», – под таким заголовком он был напечатан в 5 июня 1939 года в «Литературной газете». Еще один аспект сближения – мотивное сходство поэмы и рассказа, повторяющее в своей структуре вышеупомянутое мотивное сходство со стихотворением «Ангел», столь заметное, что вряд ли нуждается в комментарии.

Образное сходство не столь очевидно, и для его понимания обратимся сначала к семантике художественного пространства рассказа. Первая часть его сюжета разворачивается в Германии. Характерно, с какой тщательностью выстраивается этот «немецкий» локус: южнобаварская деревня, казарма под Лейпцигом – мир, в который автор помещает своего героя, определен и практически замкнут. Полет в другую страну тоже не дает возможности побега, свободы, наоборот, зло распространяется все дальше, его против своей воли распространяет Зуммер вместе со своими сослуживцами и соотечественниками. Вырваться можно только в какое-то иное измерение, разорвав сам принцип построения этого мира. Отсюда, наверное, нелогичные слова Зуммера о том, что пора стать ангелом.

Однако в этой нелогичности есть своя обратная и устрашающая логика. Вспомним продолжение фразы героя: «Человеком не выходит». Иными словами, Зуммер не может быть частью этого мира, который населяют убежденные в своей правоте люди. С точки зрения законов этого бесчеловечного мира Клара, невеста Зуммера – чистая душа (недаром Платонов выбирает для своей героини такое имя, означающее на латыни «ясная», «светлая»). Она, не сомневаясь, отражает робкие попытки духовного соблазна, предпринятого Зуммером: «Видимо, чтобы доказать свой ум и оригинальность, Эрих сказал однажды Кларе о русских, испанцах и китайцах. “Они теперь самые лучшие, самые одухотворенные люди на всей земле”, – произнес он. Клара проницательно посмотрела на Эриха и затем ответила ему, что офицеру с такими мыслями неуместно служить в германской армии, и она сама позаботится, чтобы Эрих больше не работал в военной авиации». Образные параллели между текстом Лермонтова и Платонова,

испытыв инверсию, создают неожиданное соответствие: Клара соотносится с Тамарой, а Зуммер с отверженным Демоном...

Может показаться, что такая интерпретация слишком уж произвольна, но, как представляется, сам Платонов дает намек на то, что художественная мысль в процессе творческого освоения исходного сюжета может пойти самым сложным и непредсказуемым путем: «Великая поэзия <...> обладает свойством неисчерпаемости. После того как мы знаем уже какое-либо стихотворение или прозу писателя наизусть, нам стоит только произнести его внимательно вновь, и мы почувствуем, что мы обнаружили в нем нечто новое, что-то ускользавшее от нас прежде. Это «что-то», что-то как бы немногое, всегда остающееся за пределами нашего понимания и осваиваемое нами лишь повторным чтением, но никогда не дающееся нам целиком и без остатка, и есть признак произведения великой силы и глубокой прелести, признак неистощимости такого рода поэзии», – пишет он в своей статье о Лермонтове.

Представляется, что нашем случае – в рассказе – это свойство «неисчерпаемости», уже целенаправленно реализованное в художественной технике Платонова, ведет к созданию особой, объемной интертекстуальной художественной структуры, в которой элементы претекста и посттекста находятся не во взаимно однозначном, а гораздо более сложном соответствии. Претекст формируют стихотворение Лермонтова «Ангел» и поэма «Демон». Образы этих произведений, как в своих сочетаниях, так и обособленно, отражаются в образах посттекста, то есть рассказа Платонова: мы видим возможность соотнесения Зуммера не только с ангелом, летящим «по небу полуночи», но и с Демоном, противостоящим всему миру. Ребенок, спасаемый летчиком, может видаться не только как отражение идеи «младой души», томящейся в жестоком земном мире. Этой душой с не меньшим правом может быть назван и сам Эрих. И тогда уже не трудно будет увидеть в ребенке ангела, забирающего с собой в последний полет томящуюся душу Эриха.

Также непросто будет определить и связь автора со своими героями. Погибающий ребенок – один из сквозных платоновских образов, но с особым драматизмом он воплощается сейчас, когда сам Платонов мучительно думает о спасении

собственного сына. Ощущение отверженности, противостояния всему миру, попавшему под власть зла, могло быть очень понятным тогда Платонову, мы обращали уже на это внимание в нашем разговоре о Лермонтове.

Вернемся к вопросу о названии рассказа. Подводя итог нашему разговору, можно прийти к заключению, что открытые лермонтовские цитации как упрощают, так и усложняют интерпретацию. Авторская интенция здесь, скорее, амбивалентна: подчеркивание одних моментов произведения, их эксплицитность, ведет к имплицитности, затушевыванию других. А сам лермонтовский текст, своеобразно используемый Платоновым, открывает ему возможность высказывания в той предельно печальной обстановке, когда высказаться почти невозможно, но не высказаться нельзя...

Использованная литература:

1. Варламов А. Н. Андрей Платонов. М., 2011.
2. Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб., 2004.
3. Малыгин Н. М. «Прогресс человечности» (забытые рецензии Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение» // Русская литература. 1989. № 1. С. 184–192.

LERMONTOV READ BY PLATONOV

(LERMONTOV'S INTERTEXT IN A. PLATONOV'S PROSE OF THE 1930s)

PASTUSHENKO, Yuri – Cand. Sc. (Theory of Literature, Textual Study), Assos. Prof., Department of the History of Russian Literature, Theory of Literature and Critic, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: ypastush@rambler.ru

The paper reviews the intertextual relations between A. Platonov's short story «Through the Midnight Sky» and M. Lermontov's poems «Demon» and «Angel». Lermontov's text is shown to provide Platonov with an opportunity to express implicitly his most private views being contrary to the official ideology.

Keywords: Platonov, Lermontov, «Through the Midnight Sky», «Angel», «Demon», «On the Centenary of the Death of Lermontov»,

«Reader's Reflections», ambivalence, intertext, interpretation, author's intention, short story, article.

References:

1. Varlamov, A. N. *Andrey Platonov* (Andrey Platonov). Moscow, 2011.
2. Vyugin, V. Yu. *Andrey Platonov: Poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyutsii stilya)* (Andrei Platonov: Poetics of the Enigma (Essay on the formation and evolution of style)). St. Petersburg, 2004.
3. Malygin, N. M. "Progress chelovechnosti" (*Zabytye retsenzii Platonova v zhurnalakh "Literaturnyy kritik" i "Literaturnoe obozrenie"* ("The progress of humanity" (Platonov's forgotten review in the magazines "Literary critic" and "Literary Review")), *Russkaya literatura*, 1989, no. 1, pp. 184–192.

В. Ю. Новикова¹

ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПОЛЕМИКЕ Г. АДАМОВИЧА И В. НАБОКОВА

В статье сравниваются взгляды на творчество М. Ю. Лермонтова двух представителей литературы русского зарубежья: Георгия Адамовича и Владимира Набокова.

Ключевые слова: эмигрантская литературная критика, Парижская нота, «Герой нашего времени».

Фиксация ностальгии по русской литературе как части утраченного «золотого века» давно стала неким абстрактным общим местом в работах, изучающих деятельность русских эмигрантских культурных сообществ. Нередко создается впечатление, что даже для литературных кружков и групп, сосредоточившихся вокруг какого-либо периодического издания или издательства, не существует разницы между их литературными предшественниками, независимо от личностей этих предшественников, их взглядов и принадлежности к определенной художественной школе. Все утраченное восхваляется и оплакивается без разбора, при этом одинаково

¹ **НОВИКОВА** Валерия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранного языков и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Краснодар, Россия. Электронная почта: gandzi@yandex.ru.